

Интеллектуальное событие

От редакции

Продолжаем печатать отрывки из капитального труда, посвящённого анализу шести поколений советских и российских философов¹. В данном номере представлена часть статей философов поколения 1990-х годов. Благодарим руководителя авторского коллектива, члена-корреспондента РАН Юлию Вадимовну Синеоку за согласие на эту публикацию.

В.П. Макаренко

ИЗОБРЕТАЯ СВОБОДУ²

В.В. Ванчугов

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Аннотация: *Данная работа представляет собою краткое историко-философское эссе, позволяющее автору передать некоторые элементы умонастроения, формирующегося в условиях трансформации системы – распада одной социально-политической, цивилизационной, структуры и формирования новой, интеллектуального становления в ситуации потенциально продуктивной неопределённости.*

Ключевые слова: *идентичность, самопознание, сообщество, современники, единомышленники, абсурд, гротеск, университет, образование, власть, контроль, идеология, свобода, проекция, интеллектуальное конструирование.*

Соотнесением с «поколением» стала для меня одна из форм идентичности, к которой у меня как не было склонности, так и нет. Здесь много как индивидуальной, так и коллективной мифологии, равно как и своеобразного сокрытия себя за этим «коллективным целым». Под «поколением» подразумевается единство части людей по времени существования, наличие общих воззрений и установок. Для одних это понятно и ясно, они видят «типичное» для той или иной группы, деля их хронологически, с метафизическим подтекстом. Для меня тут не все так очевидно, и вижу много примеров для конструирования реальности на основе эмоционально окрашенной игры разума. В одном поколении, к примеру «советских людей», могли быть и разделяющие официальную идеологию, и диссиденты.

¹ См.: *Философские поколения* / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. – 1232 с., ил.

² Первая публикация: Ванчугов В.В. Изобретая свободу. – *Философские поколения* / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: Издательский дом ЯСК, 2022. – С. 692–699.

«Философское поколение» ещё сложнее. Здесь одновременно соучаствуют и «метафизики», и «позитивисты», «славянофилы» и «западники», «интернационалисты» / «космополиты» и апологеты локальности, «патриоты». Для меня «философское поколение» предстало банально: возрастная группа, играющая ведущую, значимую роль в философском сообществе, поскольку они пришли в академическое пространство раньше, захватили все ключевые места, намерены играть ведущую роль, использовать привилегии и распределять ресурсы.

Хотя я и вынужден говорить про «моё поколение», и для внешнего наблюдателя я, вопреки моей воле, один из представителей определённого поколения, я все же всегда ощущал и сейчас ощущаю: мне неприятно, неприемлемо то поколение, к которому я формально принадлежу. Что приятного в том, что я вынужден со многими общаться? Что приятного в группе пассажиров, когда ты вынужден разделять с ними часть своего пути в автобусе, вагоне метро, поезда, в салоне самолёта? Иногда все нормально, иногда они превращают путешествие в ад.

У меня отторжение всяких «коллективных сущностей», общностей, «мы». Мне скучно в коллективах и даже дискомфортно. Здесь часто говорят хорошие слова, выражают благие намерения, но поступают наоборот. И история тому даёт множество примеров, и наше настоящее. Меня мало интересуют мои внутри – межпоколенческие связи, поскольку я давно встроен в иной мир, который состоит из разнообразного сообщества собеседников из разных эпох, пространств. Мои собеседники – представители типов сознания, моделей поведения. Это сообщество нестабильно. Кто-то теряет для меня свою интеллектуальную привлекательность, выпадает из круга моих собеседников и советников, затем может вернуться. Это сообщество связано с моими исканиями, а не формируется согласно духу времени или интересам корпорации.

Так что мне трудно говорить от лица «своего поколения». Для меня его нет, хотя оно есть для других наблюдателей, которые сами могут отнести меня к тому или иному поколению, например «девяностодесятников»... «Девяностодесятники»... Звучит как название каких-то отщепенцев, еретиков, сектантов. Формально, хронологически, с точки зрения темпоральной локализации отчасти верно, но грамматически и на слух – ужасно. Впрочем, не лучше будет сказать и так: «невосьмидесятники уже», «недодвухтысячники», или: «промежуточное звено между восьмидесятниками и двухтысячниками», хотя так поэтичнее, метафорически. Птерозавры какие-то. Уже не ползают, а летают, но не столь изящно, как мелкие пернатые; не режут, но и не щебечут, как птички. «Из девяностых мы»... Тут что-то хтоническое. Здесь и розы, и запах серы.

И вот итоги моего философского образования: осознание, что дальнейшее существование твоё есть непрекращающаяся интеллектуальная деятельность, суть которой – изобретение свободы. Не обретение, – как хотелось бы, но понимание, что это пока лишь красивая фраза, коих много в истории философии, – но изобретение: создание искусственных условий, на какое-то время создающих иллюзию, что ты свободен. Иллюзии свободы уже делает тебя свободным. На какое-то время. Затем необходимо приложить усилия и снова проявить интеллектуальную изворотливость, чтобы на время «изобрести свободу»: это может быть новое исследование, хобби, страсть, странное умонастроение, что угодно, но твоё, для тебя, созданное тобою посредством физики или метафизики, физиологии, рефлексии. Среди итогов образования в той амбивалентной среде можно отметить и такой: историко-философское умонастроение формирует устойчивое состояние души, когда доминирует ощущение «мнимости настоящего». Понятно, что жить приходится в этом мире, здесь и сейчас, с этими представителями интеллектуального сообщества, но нет к ним привязанности, потому как они очередная реплика, либо копия, либо лёгкая модификация экземпляров – физических и метафизических – из прошлого.

По основному – но не единственному – виду занятий – я историк философии, историк мысли, феноменолог культуры, и у меня здесь свой «горизонт», временные отрезки, зоны внимания и параметры сопоставления. В моем арсенале имеется много примеров – что декларировалось и что делалось; что проектировалось и как исполнялось; что говорилось для публики, масс, большой аудитории, а что для своих; о мотивах и мотивировках, о статусах и авторитетах, формальных, клановых и реальных. Поэтому наученный разномыслием самой «историей мысли», я недоверчив к современникам – «поколению», а вовлечённый по ряду позиций в дела современности – тем более. Иногда, и это прискорбно, но я понимаю экзистенциальный надрыв гоголевского Собакевича: «Один там только и есть порядочный человек... да и тот, если сказать правду, свинья». И видя иного «авторитета», понимаешь, умудрённый опытом прошлого: вот отойдёт он в мир иной (что означает: перестанет влиять на бюджет, определять тематику исследований, удобных для себя и своих клеветов, не пропускать грантовые заявки конкурентов, формировать издательскую политику и прочее), и одним «классиком», «авторитетнейшим учёным», «выразителем чаяний нашего времени» станет меньше. У нас много «светил», «авторитетных философов» только благодаря административному ресурсу. Похороны быстро переводят их из «великих философов» в философских клерков, чиновников, бывших начальников. И ты видишь, что это умер историк философии, а это – начальник историков философии; это гносеолог, а тот – руководитель теоретико-познавательных практик, вжившийся в образ методолога. Настоящее создаёт иллюзию разнообразия и множества философов, но по мере погребения число мыслителей уменьшается.

Я вырос, формировался как личность в СССР, советской России, становился профессионально в постсоветской, выживать приходится в России, следующей имперскому, советскому, глобальному. Наблюдал крушение, разрушение, изумлялся происходящему, уповал на лучшее будущее, занимался его конструированием, то есть побывал в одно время и деконструктором советского и конструктором будущего, наслаждаясь временем экспериментов, интеллектуальных игр.

В пятом классе, зайдя в книжный магазин, случайно раскрыл том из серии «Философское наследие». Это был Кондильяк. До этого мой интеллектуальный мир состоял из двух сфер: естествознание и художественная литература с историей. А здесь для меня предстал неведомый мне прежде «третий путь», приятно удивило описание мира и объяснение, как человек, созерцая мир, создаёт посредством своей «оптики» и языка совершенно иное представление мира. Чуть позже, будучи юношей, приходил в читальный зал районной библиотеки, брал несколько томов из собраний сочинений Маркса, Ленина, читал. Совсем не потому, что хотел стать марксистом! Просто из интереса: есть своеобразное описание мира и людей, когда они предстают не такими, как это привыкли видеть. Библиотекарши, я думаю, смотрели на меня как на идиота. Погруженные в одну реальность, мы жили в разных мирах, создавали свои картины, образы. И подобных ситуаций было много. Мне хотелось разобраться с наличием «множества миров», способов их создания, уяснить и определиться с установками сознания. В итоге понимание, что интеллектуальная деятельность может восприниматься сверстниками, современниками, соплеменниками, соседями и прочими сопутствующими по жизни – как форма твоей девиации. Также несколько эпизодов, когда, что называется, был на краю, понимал, что все, мне конец, мерцания сознания и пограничные состояния. Ну и изумление от рассыпания СССР как многобашенного замка из песка на берегу моря. Набежала волна, вторая, третья, и все... Все переведено в воспоминания, и чувство недоумения, странного освобождения. Я не любил Советский Союз, но я его понимал, а понимая – не принимал. И затем озарение: что российская империя, что СССР созидались при тесном сосуществовании бездарей и талантов, творцов и рабов, и что это не исключение, а своеобразная «социальная норма», «экзистенциальная пропорция».

Обучение на философском факультете происходило как раз в ситуации сочетания советского и постсоветского, смеси совковости и академизма, соприсутствия носителей реликтовых форм сознания и искателей нового. На одной паре можно было наблюдать за причудами Чанышева, демонстрирующего кинический дискурс, на другой, на спецкурсе у Доброхотова по «Божественной комедии» Данте, посредством герменевтики разбирать точки входа в иные миры. Было из чего выбирать, к кому прислушиваться, и помимо университетской библиотеки у меня была своя, хорошо укомплектованная. При всем том, что были в тот период те, кого я с удовольствием читал и слушал, наблюдал за их преподавательской и исследовательской деятельностью, неформальных «учителей», наставников у меня не было. Люди были замечательные, но не учителя для меня, если говорить о вхождении в науку, в академическое пространство. Наставник был такой же виртуальный, составленный из различных элементов и компонентов. Так что в моем случае все происходило благодаря текстам и наличию нескольких профессионалов своего дела, наблюдая за которыми делал своё дело так, как считал нужным.

Это деланье происходило в разных формах, иногда коллективных. Например, кружок «Летописец» на нашем факультете. Он был как кружок в школе или как в пионерском лагере. Вроде делаешь игрушечные кораблики, однако уже получаешь представление о том, как создаются настоящие корабли, гражданские и военные. Также коллективным делом был журнал «Волшебная гора». Точнее, на первом этапе это был проект двух человек: меня и Артура Медведева. Это был опыт создания интеллектуального продукта с нуля. Самое интересное было именно в экспериментальной части, в период выявления своего проблемного поля, аудитории, перспектив; особая атмосфера при подготовке номера, новые авторы, темы, конструирование интеллектуального мира. Интереснее был порой не готовый продукт, а подготовка его, атмосфера творчества. Затем это пропало, я потерял к делу, проекту, интерес настолько, что даже на долгие годы забыл про его существование. Но все это было какое-то «игрушечное», и у меня нет ностальгии. Большее значение имели для меня ситуации уединения, замыкания на своём деле, поиск своих тем и приёмов.

Находясь в системе, в которой структура деформируется, а новая ещё не определена, азартнее было искать свой стиль, формировать новую эмпирику, темы и проблемы, создавать тексты. В итоге к завершению аспирантуры я подходил не с традиционной диссертацией, а монографией («Очерк философии “самобытнорусской”»). Кафедра по названию была ещё «советской», но я уже мог себе позволить выбрать тему, о которой на тот момент мало кто имел представление: национальное своеобразие философии. В то время вряд ли кому было известно, в каком объёме эта «установка сознания» представлена по времени и в пространстве, текстуальная вариативность, сколько у неё сторонников и противников, является ли подобная «методологическая программа» магистральной или маргинальной, проявлением, хоть и своеобразным, академизма или ментальным явлением фриксообщества. И вот именно этот новый ракурс, непроработанность темы, нетривиальность проблемы и вдохновили меня. Работы больше, зато и результат мог быть интересней. Ни с кем не советуясь, чтобы не тратить время и силы на объяснения, я принялся за работу. В итоге наступило время изумления от погружения в материал, обретения нового образа историко-философского процесса. В итоге удалось показать, что в нашем интеллектуальном прошлом существовала особая тема, разработка которой даёт с обогащением эмпирики обновление контекстуального пространства и коррекцию методологии. Далее последовало открытие для себя и сообщества также совершенно новых на тот момент тем: «женщины в философии», «философия города» (москвософия и петербургология). Всё это было задолго до привычной теперь гуманитариям урбанистики и гендерных исследований, основываясь на выявлении особых, скрытых линий и неявных мотивов в интеллектуальной полифонии. Все это было первым текстуальным про-

явлением, оформлением тех исканий, которые я уже мог позволить себе в условиях «распадающейся совковости» и «цветущей сложности» философского сообщества той поры.

Из последних крупных работ особое удовольствие мне доставило исследование, которое я провёл не ради получения степени, звания, должности или реализации гранта, а исключительно из академического интереса и профессионального азарта, – исследование, оформленное в книгу «Первый историк русской философии: архим. Гавриил и его время». Поразительно, но у нас до недавнего времени об авторе первой «русской философии» 1840 года почти ничего не знали! Это был какой-то мифологический герой, которого чтут, но не понимают, потому что не имеют представления о его жизни и творчестве и, как следствие, не имея контекста, превратно понимали и его тексты. В итоге мне удалось показать и значение архим. Гавриила (В.Н. Воскресенского), и представить в новом ракурсе определённую философскую эпоху, где переплетены интересы научные, политические, религиозные. И книга полезна для понимания не только интеллектуального прошлого, но и настоящего, где мы имеем схожие проблемы и способы их решения. Впрочем, к тому времени, когда итог исследования был представлен в печатном виде, почти не осталось тех, кто в состоянии прочитать книгу. Сегодня сил у специалистов хватает лишь на чтение сделанных по единому шаблону статей. Для этого достаточно пары часов, а книга требует погружения, как минимум, на неделю. Теперь же другие приоритеты, иные формы интеллектуальной деятельности и продукции, и как итог – фрагментарность сознания и лёгкость в перемене умонастроения, ментальная флюидность. Впрочем, это требует особого обсуждения. Пока же только отмечу, что моя деятельность не сводится к историко-философским исследованиям. Они для меня основа моей академической жизни, но не единственная форма интеллектуальной активности.

Впрочем, часть своего времени все же приходится проводить будучи привязанным к различным формам «коллективности». Можно – да и нужно – выделять институциональные и внеинституциональные сферы философской активности. Если мы смотрим на прошлое философии, например отечественной, то мы видим там как «духовно-академическую» философию, так и университетскую. Проблемные поля в них чётко обозначены, функционал определён, функция просветительская и апологетическая интегрированы в корпорацию (духовная академия, университет); видны все ролевые игры, контроль и наблюдение, отчётность; иерархия; борьба за власть, пост, должность. Всё это сохранилось, и занятие философией в условиях «корпорации» предстаёт хоть и не лучшим из миров, но всё же как наименьшее из зол. Всё самое лучшее происходит, чаще всего, вне корпорации, в твоём личном пространстве. Отработав положенные виды активности, ты стремишься в свой мир, в своё личное пространство, чтобы наконец-то заниматься своим делом: писать то, что ты хочешь исходя из собственных представлений актуальности, важности, перспективности; думать над важным, а не нужным в данный момент начальству того или иного уровня. Все институции одинаковы: они создают и поддерживают корпоративные мифологии. Они удобны для начальства, но дискомфортны для творческих людей. Начальство и институции любят планирование и отчётность, покорность и приспособленчество, люди творческие зависят от вдохновения и своих способностей. Для меня все институции, несмотря на их реальные размеры и притязания на статус, это всего лишь несколько человек, профессиональные добродетели которых сформированы не этими институциями и сохранены вопреки им. Если смотреть не на отчётность, а на существо дела, наши учебные и исследовательские «корпорации» мало содействуют философии.

Но у меня нет иллюзии, что «там» все хорошо. У меня был опыт погружения в зарубежное гуманитарное пространство, в частности знакомство с философскими техниками и практиками в США. Я не нашёл там чего-то нового, приятно удивила лишь комфортность их существования (не психологическая, а материальная, инфраструктурная). А так всё как у нас:

разделение труда, узкая специализация, отношение к делу как к профессии, суть которой – бизнес: добывание средств для достойного существования. Никакой мистерии, особого чувства, творческого горения. Кто-то в обществе собирает машины, а кто-то разбирает интеллектуальные конструкции. Каждый занят своим делом и не лезет в дела других, так что философия – профессия, род предпринимательства, а значит, мир выживания, конкуренции, где все средства хороши. Этот мир мне понятен, хотя и не совсем приятен. Равно как и наш.

Что касается «русской философии» как специализации, то произошло это отчасти по воле случая, отчасти увлечениям прошлого: погруженность ещё со школы в девятнадцатый век и начало двадцатого, восприятие его как «золотого» и «серебряного» – через литературу, кинематограф, живопись, историю. Там если и не всегда явно, но присутствовала философия. Однако в университете я специализировался сначала на ИЗФ, и только затем произошло знакомство с частью отечественного философского наследия. Эпоха перестройки, смена парадигм. Подготовил как-то стенгазету (применительно к современной реальности – вывешен был на социальной стене большой пост), где, среди прочего, выписка из Бердяева. В итоге в тот же день на факультете был «шум и гам»: комсомольские и партийные органы были озадачены этой манифестацией. С одной стороны, идеологическая атмосфера уже позволяла инаковость мысли в публичном пространстве, с другой – сказывалась привычка избегать неоднозначных ситуаций: мало ли как завтра всё повернётся в стране? В итоге со мной провёл воспитательную беседу один из профессоров кафедры истории философии народов СССР (было такое забавное явление в истории мысли) – мол, не стоит обольщаться Бердяевым, потому как он мягко стелет, да жёстко сплет, и вообще тот ещё тип – «белогвардеец в лайковых перчатках». Но всё было как-то без суровости. Он говорил то, что как бы должен был говорить согласно идеологическим установкам того времени, в котором он всё ещё жил. Он ведь продукт советской философии и состоялся благодаря советскому строю. Типичный пример двоемыслия: думает одно (Бердяев хороший мыслитель), публично говорит и пишет обратное. Система довольна, и ты при делах, руководствуясь партийной диалектикой.

По мере вовлечения в чтение русских мыслителей (дореволюционных и эмигрантских) пришло понимание, что в русской философии есть потенциал, который актуален, что и наше творческое наследие полезно и приятно. В итоге пришлось перейти на кафедру (хотя психологически это было трудно, потому что часть персонажей той поры были для меня ходячими экспонатами из интеллектуальной Кунсткамеры). Но для меня была важна не кафедра (как и всякая институция), а русская философия как явление. Затем произошли существенные изменения как в обществе, так и в академических институциях, институциональная работа стала для меня естественной формой функционирования: с одной стороны, ты полностью вовлечён в технологический процесс, с другой – наблюдаешь за всем происходящим со стороны. Институциональная жизнь – это работа, а жизнь – в творчестве, в философии. Сказанное, возможно, получилось высокопарно, но это всё от усталости и творческой лени, от ощущения, что нет ещё желания подводить итоги. Далеко не всё ещё сделано из задуманного мною, да и теми, кто составляет моё «философское поколение».